

УДК 9(С)+34С33

ББК 63.3(2Р54)+67.99(2)116.31

Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и совслужащими Иркутского региона в 1920-е годы

И. В. Наумов

Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск

В статье рассматривается работа органов ОГПУ Иркутского региона по созданию системы контроля за настроениями интеллигенции и совслужащих различных учреждений. Освещаются основные методы и результаты работы органов ОГПУ в этом направлении в 1920-е гг.

Ключевые слова: интеллигенция, учителя, совслужащие, чекисты, контроль, ОГПУ, настроения, списки.

Приоритетным направлением деятельности ОГПУ в рассматриваемый период являлась борьба с политическими, классовыми противниками правящей коммунистической партии. Такая ориентация работы органов государственной безопасности была вполне закономерной и естественной для страны, где только-только закончилась гражданская война, после которой осталось достаточно много явных и тайных противников большевиков и созданной ими государственной системы.

Первоочередной и важнейшей мерой ОГПУ по предотвращению различных контрреволюционных (по терминологии того времени) выступлений и действий стало создание в 1920-х гг. всеобъемлющей системы тотального контроля за населением на всей территории страны, в том числе и в Иркутской губернии (с 1926 г. – Иркутского округа). В это время руководство ОГПУ ориентирует его сотрудников на постоянное изучение населения, определение его классового состава и отношения к Советской власти [1].

В Иркутской губернии, как и по всей стране, создается сеть секретных сотрудников (сексотов) и осведомителей ОГПУ. Ее первоначальный костяк составили лица уже сотрудничавшие с ЧК, а также чекисты-коммунисты, оказавшиеся за штатом при реорганизации ВЧК в ГПУ в 1922 г. Все они были трудоустроены в различные партийные, государственные и профсоюзные учреждения и одновременно зачислены в секретный состав ГПУ [2]. Постепенно система контроля охватывала все более широкие слои и категории населения губернии. Работа по контролю за его настроениями и поведением становится постоянной. Ее результаты отражались в регулярных отчетах, сводках, донесениях, анкетах Иркутского губернского отдела ОГПУ. На их основе сотрудники отдела составляли секретные политико-экономические

обзоры Иркутской губернии и секретные двухнедельные информационные сводки, в которых фиксировались настроения населения по самым различным вопросам: аграрная политика коммунистов, состояние цен и зарплат, насыщение товарного рынка, организация производства, внутривнутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б), международные события и т. п. Помимо изучения народных настроений шло непрерывное выявление политически неблагонадежных лиц, к которым ОГПУ начинало проявлять особое внимание. Отдельными секретными докладами отдела оформлялись результаты работы по контролю за настроениями населения в случае каких-либо экстраординарных внутри- и внешнеполитических событий (смерть большевистских вождей, революционные выступления за границей и т. п.). Обзоры и информационные сводки направлялись в ОГПУ СССР в Москву, в его Полномочное представительство по Сибири (Сибирскому краю), секретарю Иркутского губкома (затем окружкома) РКП(б) – ВКП(б), председателю Иркутского губисполкома (окрисполкома), председателю губернской (окружной) Контрольной комиссии и РКИ и губернскому (окружному) прокурору. Вся информация по контролю населения была строго засекречена и не предавалась какой-либо огласке. Каждый документ начинался с памятки ОГПУ адресатам о том, что «в виду его совершенно секретного характера надлежит хранить наравне с шифром. Снимать копии, делать выписки не допускается ни в коем случае» [3].

При этом особое внимание сотрудники Иркутского отдела ОГПУ уделяли интеллигенции и советским служащим, которых они почти поголовно подозревали в политической неблагонадежности. В работе по созданию системы контроля за настроениями и деятельностью различных категорий совслужащих и интеллигенции на территории Иркутского региона им удалось добиться заметных результатов. Руководители отдела ОГПУ считали эту задачу одной из приоритетных, поскольку подавляющее большинство служащих различных государственных учреждений Иркутской губернии и интеллигенции состояло из беженцев и лиц, враждебно настроенных к власти. Контроль над служащими и интеллигенцией начинался уже с момента приема на службу. Каждый служащий должен был заполнить анкету, в которой были вопросы о партийности бывшей и настоящей, о занятиях во время гражданской войны, включая службу в колчаковских учреждениях и белой армии, и т. п. [4]. Заполненная анкета с автобиографией направлялись в ОГПУ для регистрации и заключения и «только после благоприятного ответа ГПУ, данное лицо может быть принято на службу или работу» [5]. «В случае если от ГООГПУ последует отказ в приеме, – говорилось в одной из инструкций Иркутского отдела ОГПУ, – то поступающему лицу под каким-либо предлогом надлежит отказать, не допуская возможности, чтобы поступающий мог знать, что отказ исходит от ГООГПУ» [6].

За всеми политически неблагонадежными лицами устанавливался непрерывный контроль. Во всех учреждениях и учебных заведениях была создана сеть информаторов и осведомителей, регулярно сообщавших о разговорах и настроениях в среде служащих и интеллигенции и компрометирующих их поступках. О служащих и интеллигенции собирались сведения самого

различного характера – от социального происхождения, политических настроений и прежних занятий до отношения к службе и поведения в быту. Собранный материал обобщался и анализировался, выявленных политически неблагонадежных лиц ОГПУ брало в оперативную разработку, кроме того, этот материал активно использовался при проведении периодических чисток советского аппарата, различных учреждений и учебных заведений.

В целом в течение 1920-х гг. сводки Иркутского отдела ОГПУ настроения этой категории населения характеризовали как спокойные. «Настроение служащих в политическом положении удовлетворительное, – писали авторы одной из них, – волнений и брожений не отмечается, кроме шипения некоторой части служащих из бывших чиновников царского и Колчаковского правительств. В некоторых районах отмечены недовольства на почве несвоевременной выплаты жалования и неверности таковой» [7].

Особое внимание Иркутский отдел ОГПУ в 1920-е гг. уделял контролю за настроениями военнослужащих частей Красной Армии, дислоцированных на территории региона. Этот контроль начинался с призыва на военную службу. Информационные сводки Иркутского отдела ОГПУ свидетельствуют, что его сотрудники тщательно следили за ходом каждой призывной кампании и вели подробный учет настроений призывников, их мнений о военной службе и Красной Армии, причем как отрицательного, так и положительного характера [8]. Как следует из этих сводок, в 1920-е гг. среди призывников преобладало положительное отношение к военной службе. Например, в информационной сводке № 20 за 1926 г. Иркутского отдела ОГПУ отмечалось, что многие призывники рассматривали военную службу как возможность повысить свое образование, получить специальность, расширить кругозор [9].

Столь же внимательно ОГПУ наблюдало за настроениями военнослужащих, особенно командного состава, за состоянием воинских частей и несением воинской службы. В информационных сводках Иркутского отдела ОГПУ отражены: мнения военных о важнейших внутри- и внешнеполитических событиях, состояние воинской дисциплины и случаи ее нарушения, взаимоотношения между военнослужащими, их продовольственное и вещевое обеспечение, состояние боевой подготовки и политико-воспитательной работы, вопросы военно-медицинского обслуживания и т. п. [10].

Помимо общего надзора за настроениями населения целью создаваемой ОГПУ системы контроля являлось выявление политически неблагонадежных лиц, действительных и потенциальных противников коммунистической власти и их нейтрализация. На протяжении 1920-х гг. борьба с реальными и мнимыми политическими противниками по-прежнему оставалась важнейшей задачей органов государственной безопасности. Как подчеркивал в 1922 г. вожь большевистской партии В. И. Ленин, «было бы большой ошибкой думать, что НЭП положил конец террору. Мы должны вскоре вернуться к террору, как политическому, так и экономическому» [11]. В развитие этой идеи руководство ОГПУ требовало от местных подразделений регистрации всех политически неблагонадежных лиц, подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Причем их круг был очерчен достаточно широко. В феврале

1924 г. в секретном циркуляре ОГПУ выделило 3 категории подозреваемых и критерии, по которым следовало их устанавливать:

Политические партии и организации:

- все бывшие члены дореволюционных политических партий;
- все бывшие члены монархических союзов и организаций;
- все бывшие представители старой аристократии и дворянства;
- все бывшие члены молодежных организаций (бойскауты и др.);
- все националисты любых оттенков.

2. Сотрудники царских учреждений:

- все сотрудники бывшего МВД (охранки, полиции и жандармерии), все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи и т. д.;
- все сотрудники бывшего Минюста, все члены окружных и уездных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители и т. д.;
- все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армии и флота;

3. Тайные враги Советской власти:

- все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой Армии, других белогвардейских формирований, различных повстанческих отрядов и банд, в том числе и амнистированные Советской властью;
  - все гражданские сотрудники центральных и местных органов белогвардейских правительств;
  - все религиозные деятели;
  - все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы»;
  - все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемный труд;
  - все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских;
  - все лица, чьи близкие родственники находятся на нелегальном положении или продолжают вооруженную борьбу в рядах антисоветских банд;
  - все иностранцы независимо от национальности;
  - все лица, имеющие родственников или знакомых за границей;
  - все члены религиозных сект и общин;
  - все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня;
  - все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т. д. [12].
- Как следует из приведенного документа, в период НЭПа на территории страны ОГПУ проводило большую работу по политико-организационной подготовке нового поворота внутренней политики ВКП(б) на рубеже 1920–1930-х гг.

В нашем регионе ею занимались сотрудники секретно-оперативной части Иркутского отдела ОГПУ и особенно секретного отделения СОЧ, которое последовательно возглавляли: Д. Д. Никифоров (1922–1923 гг.), Тумахович (1923–1926 и 1927–1928 гг.), Шалаев (1926–1927 гг.) и М. Ф. Кошук-Бекман (с 1928 г.).

Основные усилия сотрудников Иркутского отдела ОГПУ были направлены на выявление членов различных политических партий и групп (особенно социалистической ориентации) и оппозиционно настроенных лиц, с этой точки зрения, по их мнению, обстановка в Иркутской губернии была достаточно сложной. Как уже приходилось отмечать, после гражданской войны здесь осело большое количество беженцев из других районов России, в том числе и члены различных политических организаций, которые в классовом государстве стремились скрыть это от властей. В 1924 г., по данным Иркутского отдела ОГПУ, в губернии числилось 127 эсеров и 69 человек вышедших из этой партии, 94 меньшевика и 31 бывший меньшевик, 29 анархистов и еще 41 человек в установке, 41 монархист (т. е. члены правых партий) и 116 человек в агентурной разработке, 30 кадетов и 28 в установке, 31 сионист и 42 в установке [13]. Причем ОГПУ учитывало не только общее их число, но и распределение по территориям. Так, например, члены партии эсеров по губернии располагались следующим образом: в Иркутске с уездом – 84 человека, в Черемховском районе – 9, в Зиминском уезде – 14, в Верхоленском – 2, в Киренском – 9 и в Тулунском – 9 [14]. В отношении же недавних коллег большевиков по Российской социал-демократической рабочей партии – меньшевиков – ОГПУ вело не только территориальный, но и профессиональный учет. Из 94 меньшевиков 15 являлись рабочими, 24 – советскими служащими, 4 – педагогами, 4 – медиками, 11 человек работали в кооперации, 3 – в торговле, 1 – в юстиции, 7 являлись кустарями, 6 – хлебопашцами, 9 – безработными, и род занятий 10 меньшевиков ОГПУ на тот момент не сумело установить [15]. В отдельных случаях велся учет членов партий и по отдельным учреждениям. В частности, по оценкам ОГПУ, в Иркутском государственном университете из 213 преподавателей и служащих 27 человек состояли в политических партиях, в том числе 15 кадетов и монархистов, 5 народных социалистов, 3 меньшевика и по 2 эсера и сибирских областника [16]. Кроме того, среди студентов ИГУ числилось по 2 эсера и анархиста и 1 меньшевик [17]. Примечателен и итоговый вывод, сделанный сотрудниками Иркутского отдела в отношении состава преподавателей и служащих ИГУ. По их заключению, «12,5 % всего состава представляют явно враждебный власти и партии элемент. Соотношение это, конечно, не безусловно точное. Процент должен быть несколько повышен за счет незарегистрированного явной активностью чуждого нам элемента» [18].

За всеми установленными и подозреваемыми лицами был установлен строгий контроль. ОГПУ внедряло в их окружение своих информаторов и фиксировало малейшие действия (собрания бывших каторжан, сбор пожертвований политзаключенным, высказывания в отношении важных внутри- и внешнеполитических событий, поведение на работе и в быту и т. п.) [19]. В частности, согласно данным Иркутского отдела ОГПУ, на смерть Ф. Э. Дзержинского один из членов бывших политических партий Чурилин отреагировал следующим образом: «Сама природа борется с ними, пришел с заседания хлоп и конец, давно пора, много плачет сирот через него» [20]. Следует отметить, что ОГПУ считало всех членов политических партий, и

настоящих, и бывших, лицами явно враждебными, и любую их деятельность априори оценивало негативно, подозревая враждебные намерения [21]. Об этом ярко свидетельствуют даже характеристики, данные им сотрудниками ОГПУ. Например, некто И. И. Сосновский охарактеризован так: «Эсер, по убеждениям монархист» [22]. Интересно, как социалист и революционер мог быть монархистом? Видимо, для авторов подобных характеристик самое главное было дать как можно более негативную оценку тому или иному лицу, не слишком задумываясь об ее логичности.

Помимо подозреваемых, под надзором ОГПУ находились и политические ссыльные, сосланные в Иркутскую губернию на поселение по политическим обвинениям. Так, в 1926 г. на особом учете в Иркутском отделе ОГПУ состояло 44 политических ссыльных, в том числе 8 человек высланных в административном порядке на 3 года «как социально вредные элементы» [23].

ОГПУ не ограничивалось наблюдением, на протяжении 1920-х гг. оно стремилось предельно ограничить возможности какой-либо деятельности представителей бывших политических партий. По представлениям ОГПУ их в первую очередь увольняли при проведении чисток [24]. Нередко они оказывались в тюрьмах или ссылке. Особенно часто арестовывали и высылали эсеров. Причем, Иркутский отдел ОГПУ делал это как в период подготовки Московского 1922 г. процесса этой партии, так и после него [25]. ОГПУ вообще стремилось развалить и ослабить эту некогда самую крупную в России политическую партию. Члены политических партий в первую очередь проходили и по оперативным разработкам Иркутского отдела ОГПУ в отношении антисоветских групп: «Крестьянский союз» [26], «Последыши» (иркутские кадеты и монархисты), «Десяток Выговского» [27] (монархически настроенные студенты ИГУ) и др.

В целом Иркутский отдел ОГПУ справился с поставленными перед ним в этом плане задачами. В его сводках неоднократно отмечалось, что на территории региона организованная политическая деятельность отсутствует. По мнению сотрудников ОГПУ, в 1920-е гг. имели место лишь произвольные, спонтанные действия отдельных представителей этих партий [28]. Пожалуй, только иркутские сионисты проявили себя более активно. В частности, по данным Иркутского отдела ОГПУ в 1924 г. они собрали среди иркутских евреев 1500 руб. и переправили их в Харбин (Китай) для Палестинского фонда [29]. Однако ОГПУ считало, что их деятельность не представляла непосредственной угрозы Советской власти.

Помимо борьбы с членами различных политических организаций Иркутский отдел ОГПУ провел большую работу по выявлению и регистрации всех лиц, о которых говорилось в февральском 1924 г. циркуляре ОГПУ. С этой целью его сотрудники собирали о них сведения по всей Иркутской губернии и за ее пределами, Всем местным советским и партийным организациям предписывалось оказывать всяческое содействие сотрудникам ОГПУ в этой работе (информацией, документами и т. п.) [30]. Кроме того, как уже отмечалось, ОГПУ установило полный контроль за приемом на работу всех служащих на государственную службу, государственные торговые и про-

мышленные предприятия и в кооперативные организации. О недопустимости приема кого-либо на работу без санкции ОГПУ Иркутский отдел практически ежегодно напоминал руководителям различных исполкомов, предприятий и организаций [31].

Собранные сведения, анкеты и автобиографии тщательно проверялись и перепроверялись Иркутским отделом ОГПУ. На основе этой работы были составлены списки политически неблагонадежных лиц [32]. В этих списках фиксировались: прежние чины, занятия (служба в Белой Армии и т. п.), судимости, места проживания. Все включенные в списки были поставлены на особый учет Иркутского отдела ОГПУ. Так, например, в 1926 г. на территории Иркутской губернии на учете ОГПУ находилось 174 офицера Белой Армии, в том числе 2 генерала, 30 старших офицеров (из них 6 полковников), 123 младших офицера и 19 юнкеров и чиновников военного времени [33], а также 60 лиц, служивших при царе в полиции, жандармерии и в карательных органах белогвардейских правительств [34]. За поставленными на особый учет Иркутский отдел ОГПУ установил негласный надзор [35]. Помимо этого, поскольку бывшие офицеры и служащие армии, МВД и органов юстиции были по Конституции лишены избирательных прав, ОГПУ осуществляло надзор и за соблюдением данной нормы. Перед каждыми выборами Иркутский отдел ОГПУ рассылал председателям различных исполкомов и избирательных комиссий списки лишенных избирательных прав [36].

Все выявленные ОГПУ «политически неблагонадежные и враждебные власти элементы» в первую очередь представлялись к увольнению при проведении периодических чисток советского аппарата в 1920-е гг. Причем, их критерии все время ужесточались. Если в 1924 г. при проведении чистки в г. Иркутске из 659 проверенных служащих было «вычищено» (уволено) 55 человек [37], то в 1926 г. по результатам двух чисток было уволено 215 человек [38]. Характерны и мотивы увольнений: «уволен как монархист», «уволен за связь с реакционным духовенством», «уволен как политически неблагонадежный», «уволен за враждебное отношение к Соввласти и РКП», «служил в царской полиции», «служил в Белой армии корнетом» [39] и т. п. Чистки затрагивали не только служащих, но и студентов Иркутского университета. Так, в 1924 г. из 2039 студентов ИГУ по политическим мотивам было «вычищено» и исключено 296 человек (в том числе 123 с гуманитарного факультета общественных наук) [40].

Увольнения людей, подозреваемых ОГПУ в политической неблагонадежности, осуществлялись не только во время чисток. Руководство Иркутского отдела ОГПУ считало, что «чистка сов. учреждений, носящая ударный характер по разгрузке их от чуждого и враждебного власти элемента, в целях периодического освежения учреждений должна быть продолжена плановой работой по изъятию отдельных лиц по мере накопления на них материала путем согласованности с руководителями учреждений» [41]. Документы свидетельствуют, что эта работа осуществлялась непрерывно, и по мере «накопления материала» по представлению Иркутского отдела ОГПУ подозреваемые увольнялись из различных учреждений [42].

В задачу ОГПУ входило и предотвращение каких-либо акций протеста со стороны служащих. По сводкам Иркутского отдела ОГПУ, сложное материальное положение большей части этой категории населения не раз способствовало возникновению в ее среде «протестных» настроений [43]. Другой причиной их возникновения ОГПУ, естественно, считало «засоренность» учреждений «чуждыми элементами». В частности, согласно данным Иркутского отдела ОГПУ в середине 1920-х гг. от 25 до 30 % учителей губернии в прошлом были белыми офицерами [44].

Для предотвращения открытых выступлений ОГПУ применяло самые разнообразные методы. Так, например, согласно совершенно секретному меморандуму секретного отделения Иркутского отдела ОГПУ от 19 января 1926 г., осенью 1925 г. резко обострилось недовольство учителей сельских школ низкой зарплатой и несвоевременной ее выплатой. Это недовольство учителя губернии открыто высказывали на волостных, районных и уездных учительских конференциях. В связи с нежеланием властей обратить внимание на учительские нужды среди них стало распространяться мнение о необходимости забастовки как средства давления на власть. Наиболее активные учителя создают инициативные группы, разрабатывают требования и начинают тайный сбор подписей учителей в поддержку требований и идеи забастовки [45]. Только в Иркутском районе их подписало 25 учителей [46]. Основные требования учителей сводились к передаче сельского просвещения с местных бюджетов на госбюджет, повышению зарплаты и погашению долгов по ней [47].

Начало забастовки было намечено на 1 февраля 1926 г. Как свидетельствуют документы, выявленные сотрудниками ОГПУ, организаторы забастовки планировали превратить ее в общегубернскую. Следует отметить и высокий уровень их конспирации. Через сеть осведомителей подготовку забастовки установить не удалось. Лишь 5 января 1926 г. Зиминскому уездному уполномоченному ОГПУ поступил донос от одного из учителей о готовящейся забастовке [48], а также учительские требования и анонимное обращение к учителям инициаторов забастовки. В ответ Иркутский отдел ОГПУ начал предпринимать энергичные действия по ее предотвращению. Эту работу осуществляли заместитель начальника отдела Хвалебнов, начальник секретного отделения Шалаев, помощник уполномоченного секретного отделения Бянкин и другие сотрудники. Иркутский отдел ОГПУ срочно предписал всем своим уездным уполномоченным усилить работу осведомителей в учительской среде и срочно внедрить туда новых для выявления организаторов забастовки, определения ее реальности и дезорганизации возможной забастовки [49]. Одновременно ОГПУ известило о ней Губком ВКП(б), Губисполком и рекомендовало им принять экстренные меры к погашению задолженности учителям по зарплате. Сотрудникам ОГПУ довольно быстро удалось установить организаторов протеста – заведующего школой Ленинского поселка (ныне Ленинский р-н г. Иркутска. – *Прим. авт.*) С. Лысцова, уполномоченного профсоюза работников просвещения Иркутского района Кураева и ряд других активистов. По данным ОГПУ, оба они в прошлом были белыми офи-

церами. 16 января 1926 г. сотрудники ОГПУ арестовали Лысцова и Кураева, а затем и заведующего Слюдянской поселковой школой Кудрявцева [50]. В результате принятых властями мер удалось сбить забастовочные настроения учителей и не допустить забастовки.

Большое внимание Иркутский отдел ОГПУ уделял коллективу Иркутского университета. По оценкам сотрудников ОГПУ, после гражданской войны профессура ИГУ раскололась на сторонников и противников Советской власти. Ко второй группе они относили профессоров: Анастасьева, В. А. Донскова, А. А. Мелких, М. П. Михайлова, А. М. Попова, Н. А. Синакевича, В. Т. Шевякова [51]. По мнению ОГПУ, эти профессора пытались подчинить студентов своему влиянию, что выражалось в осуждении чистки в ИГУ. Профессора считали, что «классовый подход к чистке ведет к понижению научного уровня интеллигенции» [52]. Средство борьбы с правой профессурой ОГПУ видело в студенческих чистках. В обзоре Иркутского отдела ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что «изъятием чисткой из Университета явно антисоветского элемента был подорван авторитет и сила правой профессуры, проводившей через него свое влияние в студенческие массы» [53]. Правые профессора вообще вызывали повышенное подозрение ОГПУ из-за своей независимой и критичной позиции по отношению к Советской власти и коммунистической партии, которую они открыто высказывали с университетских кафедр и в письмах заграничным коллегам [54].

Усилению контроля за интеллигенцией и оказанию в необходимых случаях давления на нее способствовало и учреждение в 1923 г. Иркутского губернского управления по делам литературы и издательств (Гублит), подконтрольного ОГПУ [55]. Гублит поставил цензурный заслон на пути публикации любых идей, признанных властью вредными или несвоевременными.

Особое внимание изучению настроений совслужащих и интеллигенции органы ОГПУ уделяли и в связи с внутривнутрипартийной борьбой за власть, развернувшейся в стране в 1920-е гг. Участие ОГПУ в этих событиях шло по нарастающей от констатации фактов политических разногласий среди иркутских коммунистов до прямого вмешательства во внутривнутрипартийную борьбу на стороне противников оппозиции. Так, в сводках Иркутского отдела ОГПУ первой половины 1920-х гг. можно найти лишь сухие, отрывочные факты об отношении коммунистов Иркутской губернии к внутривнутрипартийной борьбе. В целом, как следует из этих сводок ее суть была не вполне понятна иркутским коммунистам в 1923–1924 гг., которые осуждали фракционность и поддерживали декларировавшуюся ЦК РКП(б) линию на единство партии [56]. Одновременно они осуждали и бескомпромиссную позицию ЦК в отношении оппозиционеров. В частности, совещание партийных руководителей Иркутской губернии (члены губкома, уездных комитетов РКП(б) и контрольных комиссий) в январе 1924 г. заявило, что «осуждает личные выпады тов. Сталина против тов. Троцкого» [57].

Во второй половине 1920-х гг. Иркутский отдел ОГПУ начинает действовать более активно. В это время его сотрудники тщательно фиксируют отношение к внутривнутрипартийной борьбе со стороны совслужащих и интеллиген-

ции, как членов ВКП(б), так и беспартийных. Собранные ими данные анализировались и обобщались не только в регулярных сводках, но и в отдельных специальных материалах. Так, например, в них зафиксировано интересное мнение о внутривнутрипартийной борьбе, высказанное профессором Иркутского университета М. В. Одинцовым, который считал, что «раскол партии сопровождается антисемитизмом внутри партии, а это уже признак трагический, так как он выплывает не только в результате неудовлетворенной политической деятельности и неосуществления идеала, а доказывает, что внутри партии выросла вражда к тактике вчерашних руководителей, какими они, в сущности, были в 1917 году. Евреи в России проиграли свою националистическую ставку и сейчас оказываются в числе лиц, которые жестоко поплатятся за все политические неудачи. Ибо практика государства показала, что экономическая жизнь России приводит к тупикам, которые не предусмотрены никакими Карлами Марксами, но являются результатами еврейского русского марксизма, выработанного специфическими условиями России, ее отсталостью, невежеством, большими расстояниями и проч. условиями, совершенно чуждыми Западу» [58].

Иркутский отдел ОГПУ не только занимался выявлением всех, кто выражал какие-либо колебания в правильности позиции ЦК ВКП(б), но и давал рекомендации партийным органам. В частности, когда в 1926 г. его сотрудники установили, что часть членов студенческой ячейки ВКП(б) рабфака ИГУ поддерживает оппозицию, то руководство отдела снабдило этот материал следующим заключением: «По нашему мнению, это обстоятельство должно обратить на себя самое серьезное внимание со стороны Иркутских партийных организаций» [59]. Кроме того, всех лиц, замеченных в симпатиях к оппозиции, в том числе и коммунистов, ОГПУ начинает заносить в списки «политически неблагонадежных» элементов с формулировками, подобными такой: «В прошлом был замечен в склоке по партлинии» [60].

1. ГАИО. Ф. 1739. Оп. 2. Д. 93. Л. 26.	1. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F.1739. Inv. 2. Doc. 93. P. 26.
2. Там же. Ф. 8с. Оп. 1. Д. 77. Л. 165.	2. Ibid. F. 8с. Inv. 1. Doc. 77. P. 165.
3. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 10. Л. 307.	3. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 10. P. 307.
4. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 39. Л. 189.	4. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 39. P. 189.
5. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 223.	5. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6. P. 223.
6. Там же.	6. Ibid.
7. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 43.	7. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 43.
8. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 10. Л. 317–319, 325–328.	8. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 10. P. 317-319, 325–328.
9. Там же. Л. 319.	9. Ibid. P. 319.
10. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 33, 41, 44 и др.	10. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 33, 41, 44 etc.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428.	11. Lenin V. I. Complete set of works. Vol. 44. P. 428.
12. См.: Конквест Р. Террор голодом. СПб., 1994. С. 353–355.	12. Refer to: <i>Conquest P. Terror of hunger.</i> SPb., 1994. P. 352–355.
13. ГАИО. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 317–318.	

14. Там же. Л. 317.
15. Там же. Л. 318.
16. Там же. Л. 315.
17. Там же. Л. 315-316.
18. Там же. Л. 315.
19. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192; Ф. 73с. Оп. 1. Д. 6. Л. 176; Д. 8. Л. 317, 318; Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 139; и др.
20. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 6. Л. 176.
21. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192; Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 139.
22. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 87.
23. Там же. Л. 157.
24. Там же. Л. 87, 88, 114 и др.
25. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 317.
26. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 192.
27. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 315, 318.
28. Там же. Л. 317-318.
29. Там же. Л. 318.
30. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 295.
31. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 20; Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 223; и др.
32. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 381-384; Оп. 3. Д. 8. Л. 9, 55, 57, 61-62, 68-69, 74-76, 95, 120-130; и др.
33. Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 120-125.
34. Там же. Л. 95.
35. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 21; Ф. 1739. Оп. 2. Д. 100. Л. 126, 139; и др.
36. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 55-57, 68-69, 74, 95, 126-130; и др.
37. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 311.
38. Там же. Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 85-90, 92-93.
39. Там же. Л. 85.
40. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 311-312.
41. Там же. Л. 314.
42. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 21, 148; Ф. р-218. Оп. 3. Д. 8. Л. 221; и др.
43. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 311-312.
44. Там же. Л. 314.
45. Там же. Ф. р-218. Оп. 2. Д. 6. Л. 146, 148, 152.
46. Там же. Л. 161.
47. Там же. Л. 151, 161.
48. Там же. Л. 147.
13. IRSA. F. 73s. Inv.22. Doc. 8. P. 317-318.
14. Ibid. P. 317.
15. Ibid. P. 318.
16. Ibid. P. 315.
17. Ibid. P. 315-316.
18. Ibid. P. 315.
19. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 192; F.73s. Inv. 1. Doc. 6. P. 176; Doc. 8. P. 317. 318; F.1739. Inv. 2. Doc. 100. P. 139; etc.
20. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 6. P. 176.
21. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 192; F.1739. Inv. 2. Doc. 100. P. 139.
22. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8. P. 87.
23. Ibid. P. 157.
24. Ibid. P. 87, 88, 114 etc.
25. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 317.
26. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 192.
27. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 315, 318.
28. Ibid. P. 317-318.
29. Ibid. P. 318.
30. Ibid. F. r- 218. Inv. 2. Doc. 6. P. 295.
31. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 20; F. r- 218. Inv. 2. Doc. 6. P. 223; etc.
32. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6. P. 381-384; Inv. 3. Doc. 8. P. 9, 55, 57, 61-62, 68-69, 74-76, 95m 120-130; etc.
33. Ibid. Inv. 3. Doc. 8. P. 120-125.
34. Ibid. P. 95.
35. Ibid. F.8145. Inv. 1. Doc. 83. P. 21; F.1739. Inv. 2. Doc. 100. P. 126. 139; etc.
36. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8. P. 55-57, 68-69, 74, 95, 126-130; etc.
37. Ibid. F. 73 s. Inv. 1. Doc. 8. P. 311.
38. Ibid. F. r-218. Inv. 3. Doc. 8. P. 85-90, 92-93.
39. Ibid. P. 85.
40. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 311-312.
41. Ibid. P. 314.
42. Ibid. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 21, 148; F. r- 218. Inv. 3. Doc. 8. P. 212; etc.
43. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 311-312.
44. Ibid. P. 314.
45. Ibid. F. r-218. Inv. 2. Doc. 6. P. 146, 148, 152.

49. Там же. Л. 148.
 50. Там же. Л. 148–149.
 51. Там же. Ф. 73с. Оп. 1. Д. 8. Л. 313.
 52. Там же. Л. 313, 316.
 53. Там же. Л. 315.
 54. Там же. Л. 315, 317.
 55. См.: Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 471.
 56. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 83. Л. 32.
 57. Там же.
 58. Там же. Ф. 218р. Оп. 2. Д. 6. Л. 179.
 59. Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 315.
 60. Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 382.
46. Ibid. P. 161.
 47. Ibid. P. 151. 161.
 48. Ibid. P. 147.
 49. Ibid. P. 148.
 50. Ibid. P. 148–149.
 51. Ibid. F. 73s. Inv. 1. Doc. 8. P. 313.
 52. Ibid. P. 313, 316.
 53. Ibid. P. 315.
 54. Ibid. P. 315, 317.
 55. Refer to: Romanov N. S. *Chronicles of Irkutsk for 1902–1924-s*. Irkutsk, 1994. P. 471.
 56. IRSA. F. 145. Inv. 1. Doc. 83. P. 32.
 57. Ibid.
 58. Ibid. F. 218r. Inv. 2. Doc. 6. P. 179.
 59. Ibid. Inv. 3. Doc. 10. P. 315.
 60. Ibid. Inv. 2. Doc. 6. P. 382.

Joint State Political Directorate Interaction with Soviet Employees of the Irkutsk Region in 1920-s

I. V. Naumov

Irkutsk State Technical University, Irkutsk

The article considers activity of the Joint State Political Directorate in the Irkutsk region which dealt with the system of intelligency moods and soviet employees monitoring. It examines the basic methods and results of this kind of JSPD's activity in 1920-s.

Key words: Intelligency, teachers, soviet employees, chekists (KGB servicemen), control, JSPD, moods, lists.

Наумов Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Иркутского государственного технического университета, e-mail: histor@istu.ru

Naumov Igor Vladimirovich – Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Department of History, the Irkutsk State Technical University, e-mail: histor@istu.ru